

Он внезапно ощутил прилив стыда и раздражения, отвел взгляд, пытаясь прикрыть лицо растрепанными черными волосами.

Сладковатый привкус крови во рту затуманивал сознание, но горькая ярость постепенно пробуждала в нем жажду убийства.

Голос в голове нашептывал: эта девчонка перед ним — помеха его новой жизни, она станет его оковами, от нее нужно избавиться!

При этой мысли в угольно-черных глазах юноши снова вскипела кровавая пелена, а трещины на коже стали глубже, и из них сочилась алая кровь.

Однако стоило ему призвать темную силу, как другой голос прошептал: быть может, стоит прикинуться беззащитным?

Образ невинных черных глаз девушки невольно всплыл в памяти.

Обмануть ее, заставить пожалеть его...

Стоило ему об этом подумать, как собранная сила тихо растворилась.

Он медленно поднял голову. Уголки глаз уже покраснели, в них заблестели слезы, он слегка прикусил нижнюю губу — так женщины обычно выпрашивали милость у его отца-короля.

Он робко взглянул на нее, зная, сколь жалким кажется со стороны. Природная форма глаз с опущенными уголками и губы, напоминающие перевернутую лодку, делали его облик предельно несчастным. Он прошептал:

— Умоляю вас... сжальтесь надо мной... Я был единственным сыном в семье у подножия горы, но мой отец случайно нашел тайный трактат, что и накликало на нас беду... Я чудом спасся и хотел просить защиты у заклинателей, но в темноте сорвался в колодец.

Этот взгляд, полный мольбы, заставил Цзинь Юй замереть.

До чего же знакомые глаза...

Она моментально вспомнила Дай-дая, желтого пса, жившего у ее бабушки.

Она видела, как он рос, и каждый день после школы находила его на перекрестке — он всегда ждал, когда она вернется домой.

В любую погоду, будь то дождь или снег.

В дождь его шерсть была мокрой, уши печально опущены, но стоило ему заметить ее, как он тут же скидывал их, глядя на нее черными, как бусины, глазами.

Но теперь... верный пес остался, а хозяйка ушла, Дай-дай наверняка очень тосковал по ней...

Быть может, этот взгляд пробудил в ней тоску по дому, и вся твердость, которую она с таким трудом демонстрировала на чужбине, вмиг растаяла.

Ее глаза покраснели, руки ослабли.

— Простите, что потревожила ваш покой... искренне прошу прощения.

Едва Юань Хуайцзинь успел договорить, как раздался звон:

— Дзынь!

Меч, все это время направленный ему в горло, с глухим стуком упал на землю, подняв облачко пыли.

Юань Хуайцзинь выиграл свою партию.

Девушка, не в силах сдержаться, прошептала, глядя в его темные глаза:

— Дай-дай...

Юноша опешил:

— Что?

Впрочем, сейчас его мало волновали ее странные слова.

Главное — увидев в ее глазах жалость и заблестевшие слезы, он понял: она клюнула на удочку.

Внутри он холодно усмехнулся, ощущая прилив ненависти.

Почему, будучи одного возраста, он должен был с ранних лет познать ужас и стоять на грани смерти, в то время как другие, подобно этой девушке, оставались чистыми, как белый лист?

Он завидовал ей. Радость от обретенной свободы была подавлена этой жгучей обидой.

Какая же дура...

Он опустил взгляд, мысленно осыпая девушку самыми ядовитыми проклятиями, называя ее глупой, наивной и лицемерной.

Цзинь Юй, видя, что он обессилен, и заметив тонкие трещины на его теле, поверила почти каждому его слову и вытерла слезы.

Даже если на душе тяжело, нельзя плакать перед человеком, который только что потерял семью — это лишь добавит ему боли.

Подавив собственную тоску, она утешила его:

— Заклинатели гор отомстят за твою семью. Если тебе некуда идти, орден Цаншань может стать твоим вторым домом.

Затем она достала из-за пазухи фарфоровый пузырек, вытряхнула на ладонь ярко-алую пилюлю и, улыбнувшись, протянула ему:

— Я знаю, каково это — терять близких. Но мы обязаны исполнить их волю и жить дальше

вопреки всему.

Гнев, kloкотавший в груди Юань Хуайцзиня, отступил. Он в изумлении поднял голову и утонул в ее светлой, как пионы, улыбке — искренней и лишенной всякой тени.

Никто и никогда не желал ему жизни.

Он никогда не чувствовал, чтобы его рука была такой тяжелой, когда тянулся к ней, чтобы коснуться ее пальцев.

Лишь когда на его ладонь легла целебная пилюля, излучающая мощную духовную энергию, он пришел в себя. Опустив взгляд, он положил лекарство в рот.

Горький привкус крови мгновенно сменился ароматом трав, и в его сердце, разбитом, словно стекло, начал пробиваться крошечный росток жизни.

— Уже поздно. Я не могу помочь тебе ничем иным, так что отдохни в моей комнате, я посплю с сестрой. А когда рассветет, я помогу тебе найти приют. Не бойся.

— М-м...

Цзинь Юй улыбнулась и протянула ему руку, склонившись:

— Сможешь встать самостоятельно?

Он попытался напрячься, но ноги, словно отравленные, онемели. Ему оставалось лишь беспомощно посмотреть на девушку и виновато покачать головой.

Девушка не выказала ни капли раздражения:

— Дай мне руку.

Юань Хуайцзинь спрятал взгляд в тени, мрачно думая: дрессирует собаку?

И все же послушно протянул руку.

Сильный рывок — и, ощутив головокружение, он оказался в ее объятиях, окутанный ароматом грушевого цвета. Она подхватила его на руки.

От неожиданности он затаил дыхание, снова оказавшись под светом луны.

— Кстати, ты голоден? На кухне есть яйца и лапша, хочешь яичницу с кунжутным маслом?

Юань Хуайцзинь молча прислонился к плечу девушки, чувствуя ее тепло. Такая бесцеремонность с ее стороны казалась ему странной, а внутри разливалась щемящая горечь.

Словно выдохнув остатки сил, он едва слышно пробормотал:

— Хочу...

Цзинь Юй постелила ему постель в своей комнате.

Закрыв дверь и вернувшись во двор, она усомнилась в своей поспешности.

Но ночь была глубока, в ордене никого не потревожишь, а если отправить его под гору, он рискует столкнуться с теми разбойниками.

Размышляя так и этак, она приняла решение: она не могла бросить ребенка, потерявшего близких, на произвол судьбы. Он казался таким жалким...

Хотя, конечно, он мог лгать, мог подвергнуть ее и сестру опасности...

Но что бы ни случилось, если беде суждено прийти, от нее не скрыться.

Ей оставалось лишь не смыкать глаз до утра.

Раз уж она поддалась жалости, она должна нести за это ответственность.

Она зажгла фонарь, села перед воротами, положила рядом меч и, опустив голову, углубилась в книгу, которую не успела дочитать.

К счастью, ночь прошла мирно, без происшествий.

Когда небо начало светлеть, веки Цзинь Юй налились свинцом.

Она зевнула, убрала вещи и вошла в дом.

Рассвело... теперь-то им точно никто не причинит вреда...

Однако вскоре после того, как она вернулась в комнату, дверь отворилась.

Раздался едва уловимый шорох.

Широкий черный халат укрывал фигуру юноши.

Черная пола одежды развевалась на ветру, словно опавший лист без пристанища.

Он бежал из этого места — места, где впервые за долгое время ощутил тепло.

Белый утренний свет просочился сквозь бумажные окна в девичью опочивальню.

На белоснежной постели, несмотря на беспорядок, безмятежно спали две девушки, прижавшись друг к другу.

Их черные волосы переплелись, а дыхание было ровным и сладким.

Одна — яркий пион, обнажающий свое величие;

Другая — зеленая листва, что нежно укрывает цветок.

Пусть она не была столь ослепительна, как пион, но в ней таилась не менее удивительная, живая сила.